

Чудовище стояло так близко, что с легкостью могло дотянуться до нас языком. Оно не сводило с нас глаз, а в его ссохшемся мозгу роились фантазии на тему убийства. Даже окружающий его воздух был наэлектризован жадой нашей смерти. Пустоты рождаются с жадой поглощать души странных существ, и мы стояли перед ней наподобие буфета, прижавшись спинами к искореженной телефонной будке. Эддисон, которого можно было заглотить в один присест, смело стоял у моих ног с грозно поднятым хвостом. Эмма оперлась о мою руку в поисках поддержки. Она еще не оправилась от удара и не смогла бы зажечь огонек ярче спички. Станция подземки напоминала ночной клуб после бомбежки. Из лопнувших труб с визгом вылетал пар, образуя дрожащие прозрачные завесы. С потолка свисали расколотые мониторы. Казалось, какой-то великан свернул им шеи. Все вокруг, включая пути, было усеяно разбитым стеклом, сверкающим в истерических вспышках красных аварийных фонарей подобно гигантскому диско-шару. Бежать нам было некуда — с одной стороны стена, с другой море битого стекла. А всего в двух шагах перед нами существо, единственный инстинкт которого требовал разорвать нас на части. И все же оно не двигалось с места и даже не пыталось сократить расстояние. Пустота покачивалась на пятках, подобно пьянице или сомнамбуле. Казалось, она вросла в пол. Ее голова с маской смерти поникла, а ворох языков напоминал гнездо усыпленных мной змей.

Я. Это сделал я, Джейкоб Портман из Флоридской глубинки. В настоящий момент этот ужас — воплощение ночных кошмаров и мрака — убивать нас не собирался, потому что я попросил его этого не делать. Я бесцеремонно приказал ему снять свой язык с моей шеи. *Пошел*, — сказал я. *Вон*, — сказал я. Я не знал, что человеческий рот способен воспроизводить звуки языка, на котором я это произнес. И — о чудо! — это подействовало. В его глазах

пылала ярость, но тело повиновалось моему приказу. Каким-то образом я укротил это чудовище — наложил на него заклятие. Но спящие существа просыпаются, а действия заклятий заканчиваются. Особенно если эти заклятия наложены случайно. Я чувствовал, как звереет пустота под обмякшей телесной оболочкой.

Эддисон ткнулся носом в мою ногу.

— Сейчас сюда явятся другие твари. Это чудовище нас отсюда выпустит?

— Поговори с ним еще, — дрожащим и срывающимся голосом попросила Эмма. — Прикажи ей проваливаться.

Я попытался подобрать нужные слова, но они от меня ускользали.

— Я не знаю как.

— Минуту назад знал, — напомнил Эддисон. — Мне показалось, что в тебя вселился демон.

Минуту назад эти слова просто сами слетели у меня с языка, прежде чем я успел хоть что-то понять. Теперь, когда я пытался их повторить, это напоминало ловлю рыбы голыми руками. Они ускользали, едва я успевал их коснуться.

Убирайся! — закричал я.

Это прозвучало по-английски. Пустота не шелохнулась. Я напрягся, впился взглядом в ее чернильные глаза и предпринял еще одну попытку.

Убирайся отсюда! Оставь нас в покое!

Снова английский. Пустота наклонила голову, как озадаченный пес, но в остальном осталась неподвижна, как статуя.

— Она ушла? — спросил Эддисон.

Кроме меня, ее по-прежнему никто не видел.

— Она все еще тут, — ответил я. — Я не знаю, что с этим делать.

Я чувствовал себя ужасно глупым и беспомощным. Неужели мой дар так быстро исчез?

— Ничего страшного, — вмешалась Эмма. — В любом случае, бесполезно что-то объяснять пустоте.

Выбросив вперед руку, она попыталась зажечь пламя, но оно тут же зашипело и погасло. Это ее, похоже, окончательно обессилило. Я крепче обнял ее за талию, опасаясь, что она упадет.

— Побереги силы, спичка, — посоветовал ей Эддисон. — Я уверен, что они нам еще пригодятся.

— Если это потребуется, я буду драться с ней голыми руками, — заявила Эмма. — Самое важное сейчас — пока не поздно, найти остальных.

Остальные. Мне казалось, я до сих пор вижу, как они исчезают в глубине тоннеля. Одежда Горация была в полном беспорядке. Бронвин при всей ее силе нечего было противопоставить пистолетам тварей. Енох был совершенно оглушен взрывом. Хью воспользовался хаосом, чтобы сдернуть с Оливии ее тяжелые туфли и увлечь за собой, едва успев поймать улетающую девочку за пятку. И все они исчезли после того, как их, плачущих и испуганных, вооруженные твари затолкали в поезд. Наши друзья исчезли вместе с имбриной, спасая которую мы чуть не погибли. И сейчас поезд уносил их сквозь недра Лондона к судьбе, горшей, чем смерть. *Уже слишком поздно*, — подумал я. Стало поздно в тот момент, когда солдаты Каула штурмом взяли ледяное убежище мисс Королек. Стало поздно в тот вечер, когда мы приняли злобного брата мисс Сапсан за нашу обожаемую имбрину. Но я поклялся себе, что мы найдем наших друзей и нашу имбрину, чего бы нам это ни стоило, даже если мы обнаружим лишь их тела, даже если для этого понадобится поплатиться и собственной жизнью.

Итак, размышлял я: где-то в этой мерцающей темноте имеется выход на улицу. Дверь, лестница, эскалатор, все это было где-то у дальней стены. Но как туда попасть?

Убирайся к чертовой матери с моей дороги! — заорал я, принимая еще одну отчаянную попытку.

Естественно, снова английский. Пустота замычала, как корова, но не двинулась с места. Все было тщетно. Слова исчезли.

— План Б, — сообщил я друзьям. — Поскольку она меня не слушает, придется ее обойти. Будем надеяться, что она так и будет стоять, где стоит.

— Как именно мы будем ее обходить? — спросила Эмма.

Чтобы пройти как можно дальше от пустоты, было необходимо пробраться сквозь горы битого стекла, изрезавшего бы обнаженные ноги Эммы и лапы Эддисона. Я задумался над этой проблемой. Я мог бы взять на руки собаку, но все равно оставалась Эмма. Я мог выбрать осколок стекла побольше и вонзить его в глаза чудовищу. Однажды этот прием меня уже спас. Но если бы мне не удалось убить его первым же ударом, оно наверняка

тут же очнулось бы, и тогда погибли бы мы. Единственное, что оставалось, — это пройти по узкому свободному от стекол проходу между пустотой и стеной. Но он был действительно очень узким — не более полутора футов в ширину. Даже прижавшись к мрамору спинами, нам с трудом удалось бы протиснуться в эту щель. Я опасался, что такая близость к пустоте или, того хуже, случайное ее касание способно нарушить хрупкое оцепенение, удерживающее ее от нападения. Но кроме этой последней возможности нам оставалось разве что отрастить крылья и перелететь через голову чудовища.

— Ты сможешь идти? — спросил я у Эммы. — Или хотя бы переставлять ноги?

Она выпрямилась, опустив руку, которой обнимала меня за талию.

— Думаю, что смогу.

— В таком случае вот как мы поступим — нам придется мимо нее проскользнуть. Места мало, но если прижмемся спинами к стене и будем осторожны...

Эддисон тут же меня понял и вжался в телефонную будку.

— Ты думаешь, стоит к ней приближаться?

— Нет, не думаю.

— Что, если она очнется, когда мы будем...

— Не очнется, — заявил я с уверенностью, которой не испытывал. — Просто не делайте резких движений и... что бы ни происходило... не прикасайтесь к ней.

— Теперь ты наши глаза, — вздохнул Эддисон. — Да поможет нам Птица.

Подняв с пола длинный и тонкий осколок стекла, я сунул его в карман. Сделав два шага к стене, мы прижались к холодным мраморным плитам и начали двигаться в сторону пустоты. По мере нашего приближения ее глаза поворачивались и она по-прежнему пристально следила за мной. Всего несколько осторожных шагов в сторону, и нас окутала волна источаемого пустотой смрада, настолько зловонного, что у меня даже слезы на глаза навернулись. Эддисон закашлялся, а Эмма прижала к носу ладонь.

— Еще совсем чуть-чуть, — срывающимся от отчаянного напряжения и деланного спокойствия голосом произнес я.

Я вынул из кармана осколок стекла и сжал его в кулаке, держа острым концом вперед. Я сделал шаг, затем еще один. Теперь мы были так близко, что, протянув руку, я смог бы прикоснуться к чудовищу. Я слышал, как бьется его сердце. С каждым нашим шагом этот стук учащался и становился все громче.

Не двигайся, — по-английски прошипел я. — *Ты моя. Я тебя контролирую. Не двигайся.*

Я втянул живот и прижался всеми позвонками к стене, боком вползая в тесный проход между стеной и пустотой.

Не двигайся, не двигайся.

Скользя спиной по стене, я медленно переступал. Я затаил дыхание, в то время как влажное и сиплое дыхание пустоты участилось и из ее ноздрей за клубился зловонный черный пар. Ее явно раздирало невыносимое желание нас поглотить. В свою очередь я с трудом удерживался от того, чтобы не броситься бежать. Я запретил себе и думать об этом как о поведении жертвы, но никак не хозяина положения.

Не двигайся. Не двигайся.

Еще несколько шагов, несколько футов, и мы бы ее миновали. Ее плечо было в миллиметре от моей груди.

Не...

И тут она пришла в движение. Одним стремительным рывком пустота повернула голову и все тело и оказалась прямо передо мной.

Я застыл.

— Не двигайтесь, — произнес я на этот раз вслух, обращаясь к друзьям. Эддисон спрятал морду в лапы, а Эмма замерла, ледяными пальцами как клещами сжав мое запястье. Я приготовился к неизбежному — к ее языкам, ее зубам, к концу.

Назад, назад, назад.

Английский, английский, английский.

Шли секунды, и, к моему изумлению, мы оставались в живых. Не считая мерно поднимающейся и опускающейся грудной клетки, существо не шевелилось, похоже, снова окаменело.

Я попытался миллиметр за миллиметром скользить вдоль стены. Пустота провожала меня взглядом, подобно стрелке компаса слегка поворачивая голову в моем направлении. Казалось, ее тело соединено с моим какой-то невидимой нитью. Но оно не двинулось вслед за нами, не распахнуло свои челюсти. Исчезни

заклятие, которое я каким-то образом на нее наложил, и в следующую секунду мы все были бы мертвы.

Пустота лишь наблюдала за мной. Ожидая распоряжений, которые я не умел отдавать.

— Ложная тревога, — прошептал я, и Эмма с облегчением шумно выдохнула.

Мы миновали проход, отклеились от стены и зашагали прочь настолько быстро, насколько могла идти прихрамывающая Эмма. Немного отойдя от пустоты, я оглянулся и увидел, что она уже полностью развернулась и стоит лицом ко мне.

Стой на месте, — по-английски пробормотал я. — *Молодец.*

* * *

Пройдя сквозь стену пара, мы увидели бездействующий из-за отключившегося электропитания эскалатор. Его окружало слабое свечение — из мира сверху проникал манящий дневной свет. Мир живых, современный мир. Мир, в котором у меня были родители. Они оба находились здесь, в Лондоне, они дышали этим воздухом. Всего в шаге отсюда.

Эй, привет!

Немыслимо. Но гораздо труднее было представить себе, что и пяти минут не прошло еще с тех пор, как я все рассказал отцу. Во всяком случае, самое главное: *Я такой же, как дедушка Портман. Я странный.* Они все равно никогда не поймут, но, по крайней мере, теперь они знают, и мое отсутствие уже не будет восприниматься как предательство. У меня в ушах все еще звучал голос отца, который умолял меня вернуться домой, и по мере того, как мы медленно приближались к свету, меня внезапно охватило постыдное желание стряхнуть руку Эммы и броситься бежать. Я хотел вырваться из этой удушающей тьмы, разыскать родителей, вымолить у них прощение, а затем забраться в роскошную кровать их гостиничного номера и уснуть.

И это было самым невообразимым. Я ни за что не смог бы так поступить. Я любил Эмму, и я ей об этом сказал, и я ни за что бы ее не оставил. И не потому что я был очень благородным, смелым или великодушным. Я не являюсь носителем этих качеств. Отнюдь. Но я боялся того, что, если я ее оставлю, моя душа разорвется на части.

Да и остальных тоже. Остальных. Наших несчастных обреченных друзей. Мы должны были их найти. Но как? Поезд, на котором они скрылись в тоннеле, был последним. И ясно, что после взрыва и сотрясших станцию выстрелов метро работать больше не будет. Оставались лишь две возможности — одна ужаснее другой: спуститься в тоннель и пойти за ними пешком, надеясь, что там не будет пустот, либо взобраться по эскалатору и столкнуться с тем, что ожидает нас на поверхности (скорее всего, с ликвидационной командой тварей), и, уже оценив обстановку, решить, что предпринять.

Я знал, какой вариант лично для меня предпочтительнее. Я был сыт по горло мраком, и уж точно с меня было довольно пустот.

— Давайте подниматься, — произнес я, увлекая Эмму к замершему эскалатору. — Надо найти безопасное место, где ты сможешь восстановить силы, пока мы будем строить дальнейшие планы.

— Ни в коем случае! — воскликнула она. — Мое состояние не имеет значения! Мы просто не можем бросить остальных!

— Мы их не бросаем. Но необходимо быть реалистами. Мы ранены и беззащитны, а остальные уже очень далеко. Скорее всего, они уже вышли из метро и их ведут в какое-то другое место. Как мы вообще сможем их найти?

— Так же, как я нашел вас, — вмешался Эддисон. — С помощью нюха. У странных людей совершенно особенный запах, знаете ли. Но его могут уловить только такие собаки, как я. А уж как благоухает ваша компания! Думаю, это из-за страха. К тому же вы давно не мылись...

— Значит, мы идем за ними! — заявила Эмма.

С неизвестно откуда взявшимися силами она потащила меня к путям. Я сопротивлялся, держа ее за руку.

— Нет, нет... Поезда уже наверняка не ходят, а если мы пойдем за ними пешком...

— Опасно это или нет, я их не оставлю.

— Эмма, это не просто бессмысленно, это опасно. Они уже уехали.

Она вырвала руку и захромала к путям. Споткнулась, с трудом удержавшись на ногах. Ну, скажи же что-нибудь, — одними губами попросил я Эддисона. Догнав ее, он остановился прямо перед ней.

— Боюсь, что он прав. Если мы пойдем пешком, запах наших друзей рассеется задолго до того, как нам удастся их найти. Даже мои выдающиеся способности имеют свои границы.

Эмма посмотрела на тоннель, затем перевела взгляд на меня. Выражение ее лица было мученическим. Я протянул ей руку.

— Прошу тебя, пойдем. Это не означает, что мы сдаемся.

— Ладно, — угрюмо пробормотала она. — Ладно.

Но не успели мы и шага сделать обратно к эскалатору, как из темноты тоннеля раздалось:

— Я тут!

Голос был тихим и знакомым, с отчетливым русским акцентом. Это был складывающийся человек. Всмотревшись в темноту, я сумел разглядеть лежащее в стороне от рельсов тело. Одна рука была поднята. Во время стычки его подстрелили, и я был уверен, что твари затолкали его в поезд вместе с остальными. Но вот он лежит внизу и машет нам рукой.

— Сергей! — воскликнула Эмма.

— Ты его знаешь? — подозрительно спросил Эддисон.

— Он был одним из странных беженцев мисс Королек, — пояснил я.

Сверху донесся быстро нарастающий вой сирен. К нам приближались проблемы — возможно, закамуфлированные под помощь. Мне стало ясно, что еще немного и мы не сможем ускользнуть отсюда незамеченными. Но не могли же мы его там оставить.

Эддисон бросился к Сергею, огибая самые большие груды стекол. Эмма позволила мне взять ее под руку, и мы медленно побрели за Эддисоном. Странный лежал на боку, полузасыпанный осколками и перепачканный кровью. Похоже, ранение было серьезным. Его очки в проволочной оправе треснули, и он их беспрестанно поправлял, пытаясь получше меня рассмотреть.

— Это чудо, чудо, — еле слышно прохрипел он. — Я слышал, как ты говорить на языке чудовищ. Это настоящее чудо.

— Никакое это не чудо, — ответил я, опускаясь возле него на колени. — Я уже утратил эту способность. Ее больше нет.

— Если дар внутри, это навсегда.

Со стороны эскалатора до нас донеслись шаги и голоса. Я отгреб стекло в сторону, чтобы поднять складывающегося человека на руки.

— Мы заберем тебя с собой, — сказал я ему.

— Оставьте меня, — прохрипел он. — Меня очень скоро не станет...

Не обращая внимания на его возражения, я подсунил руки под его тело и встал. Он был длинным, как жердь, но легким, как перышко, и я держал его на руках, как большого младенца. Его тощие ноги свисали с моего локтя, а голова безвольно опустилась мне на плечо.

Двое неизвестных с грохотом сбежали по эскалатору и остановились у его подножия, в круге бледного дневного света, всматриваясь в темноту. Эмма указала на пол, и мы осторожно присели, надеясь, что нас не заметят. В конце концов, это могли быть обычные пассажиры, рассчитывающие сесть в поезд. Но тут я услышал писк рации, а затем в их руках вспыхнули фонари, лучи которых ярко осветили их светоотражающие куртки.

Возможно, это были спасатели, но с таким же успехом это могли быть твари под видом спасателей. Этого я определить не мог, пока они совершенно синхронно не содрали со своих лиц панорамные солнцезащитные очки.

Все ясно.

Только что наши шансы на спасение сократились ровно наполовину. Оставались лишь пути и тоннели. Нам ни за что не удалось бы от них убежать, но у нас еще была возможность скрыться. И похоже, что среди хаоса разрушенной станции мы остались незамеченными. Лучи фонарей обшаривали пол. Мы с Эммой попятнулись к путям. Если бы нам удалось скользнуть в тоннель... Но Эддисон, черт бы его побрал, не шелохнулся.

— Пошли, — зашипел я.

— Они из скорой помощи, а этому человеку нужна помощь, — ответил он.

Это прозвучало слишком громко, и лучи тут же метнулись в нашу сторону.

— Всем оставаться на месте! — взревел один из мужчин, выхватывая из кобуры пистолет, в то время как второй схватился за рацию.

И тут одно за другим стремительно произошло два совершенно неожиданных события. Первым было то, что, когда я уже собирался бросить складывающегося человека на рельсы и вместе